

Литературно-музыкальная композиция
ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ
(по поэме Н.А.Некрасова «Русские женщины»)

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекрасное встречали.
Их имена забыть мы не должны!
Н.А.Некрасов

14 декабря 1825 года сильно изменило ход российской истории. Что же произошло в этот день? А в этот день в Санкт-Петербурге должна была состояться присяга новому русскому императору Николаю Павловичу (Николаю I).

Сообщение ученика. Восстание декабристов.

Звучит музыка к кинофильму «Звезда пленительного счастья».

Это восстание было жестоко подавлено: пятерых казнили (П.И.Пестеля, К.Ф.Рылеева, С.И.Муравьева-Апостола, М.П.Бестужева-Рюмина, П.Г.Каховского), остальных сослали в Сибирь на каторжные работы. В первой партии, прибывшей в столицу Восточной Сибири, было 8 человек – Сергей Волконский, Евгений Оболенский, Сергей Трубецкий, Артамон Муравьев, Василий Давыдов, Александр Якубович и братья Борисовы. Эту группу отправили за Байкал, на серебряный рудник Благодатский.

Осенью 1826 и зимой 1827 года тот же путь в Сибирь проделали жены декабристов: Е.И.Трубецкая, М.Н.Волконская, А.Г.Муравьева. «Жены сосланных в каторжную работу, - писал о них впоследствии А.Герцен, - лишились всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под еще страшнейший гнет тамошней полиции». Подвиг декабристок произвел впечатление на все русское общество. Впечатление от их подвига тем более усиливалось, что все эти женщины становились такими же бесправными, как и их мужья, дети, рожденные в ссылке, по своему юридическому положению приравнивались к крестьянам.

Николай I, разрешив женам ехать в Сибирь вслед за мужьями, вскоре понял, что поступил вопреки собственному мстительному замыслу – сделать так, чтобы Россия забыла своих мучеников, чтобы время и отдаленность, отсутствие сведений об их жизни стерли их имена из памяти народной. Женщины разрушили этот замысел.

«Его величество, - пишет Мария Николаевна Волконская, - не одобрял следование молодых жен за мужьями: этим возбуждалось слишком много участия к бедным сосланным. Так как последним было запрещено писать родственникам, то надеялись, что этих несчастных скоро забудут в России, между тем как нам, женам, невозможно было запретить писать и тем самым поддерживать родственные отношения».

Поэт Николай Алексеевич Некрасов (1821 – 1878) первый прославил декабристов, написав поэму «Дедушка», и самоотверженность жен декабристов, назвав поэму «Русские женщины», которая состоит из двух частей: «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня Волконская». Напечатаны эти части были в 1872 – 1873 годах в журнале «Отечественные записки».

Сообщение ученика. Биография Екатерины Ивановны Трубецкой.

Звучит музыка завывания метели.

1 чтец. Чтение отрывка из поэмы «Русские женщины»: «Княгиня Трубецкая»

Уже два месяца почти
Бесменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!
Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.
Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...
Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Целых два месяца не могла Екатерина Трубецкая отправиться в Читу.

2 и 3 чтецы. Диалог княгини и губернатора.

КНЯГИНЯ

В Нерчинск! Закладывать скорей!

ГУБЕРНАТОР

Пришел я — встретить вас.

КНЯГИНЯ

Велите ж дать мне лошадей!

ГУБЕРНАТОР

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

КНЯГИНЯ

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...
Готов ли экипаж?

ГУБЕРНАТОР

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

КНЯГИНЯ

Так прикажите ж! Я прошу...

ГУБЕРНАТОР

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

КНЯГИНЯ

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

ГУБЕРНАТОР

Да-с, было бы верней.
Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь!
Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

КНЯГИНЯ

Ужасно будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

ГУБЕРНАТОР

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... Страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

КНЯГИНЯ

Молчите, генерал!

ГУБЕРНАТОР

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

КНЯГИНЯ

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пусть горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Но вот наконец-то был получен приказ - разрешить Трубецкой покинуть Иркутск.

4 чтец. Чтение отрывка из поэмы.

—«Нет! вы поедете!..- вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза.-
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
Отворяя дверь, кричит
Эй! запрягать, сейчас!..»

«Екатерина Ивановна Трубецкая ... - писал барон Розен, - когда заговорит, так ... просто обворожит спокойным приятным голосом и плавною, умною и доброю речью, так все слушал бы ее голос. Голос и речь были отпечатком доброго сердца и очень образованного ума от разборчивого чтения, от путешествий и пребывания в чужих краях, от сближения со знаменитостями...»

Следом за Е.И.Трубецкой отправилась в Сибирь и Мария Николаевна Волконская.

Сообщение ученика. Биография М.Н.Волконской

5 чтец. Чтение отрывка из поэмы «Русские женщины. Княгиня Волконская»

«Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...
В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...

Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

Что же делали жены декабристов в Сибири? Княгини объединили всех восьмерых узников в товарищескую семью, соединили их сестринской любовью, материнской заботой. Они организовывали обеды для декабристов, во всем отказывая себе. Стирала и чинила белье, шили одежду. И это дамы, которые никогда этого делать не умели! Волконская вспоминает: «Мы ограничились своей пищей: суп и каша – вот наш обыденный стол, ужин отменился. Каташа, привыкшая к изысканной кухне отца, ела кусок черного хлеба и запивала его квасом. Я мела полы, прибирала комнату, причесывала Каташу». Семь месяцев, до осени 1827 года, прожили в Благодатском Е.И.Трубецкая и М.Н.Волконская в курной крестьянской избе со слюдяными окнами.

Видеться с мужьями доводилось нечасто, да и то в присутствии офицера и солдат. Чтобы хоть издали посмотреть на узников, женщины садились на склоне горы так, чтобы виден был весь тюремный двор, и сердца их содрогались, когда в стужу во двор выбегали полураздетые люди. Именно после такого зрелища отправились они за 12 верст, в Большой Нерчинский завод, купили ткань, сшили рубашки. Нерчинцы, завидев княгинь, отворачивались, уходили на другую улицу, не поднимали глаз от земли – таков был приказ начальства. И все же сочувствие сибиряков нет-нет да и прорывалось сквозь пучину отчуждения. А уж за пределами Нерчинска каждый встречный «узнавал» княгинь и низко им кланялся.

6 чтец. Чтение отрывка из поэмы. Княгиня Волконская в руднике.

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускались всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать.
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Евгений Оболенский пишет: «Прибытие этих двух высоких женщин, русских по сердцу, высоких по характеру, благотельно подействовало на нас всех; с их прибытием у нас составила семья. Общие чувства обратились к ним, и их первую заботою были мы же: своими руками шили они нам то, что им казалось необходимым для каждого из нас; остальное покупалось ими в лавках; одним словом, то, что сердце женское угадывает по инстинкту любви, этого источника всего высокого, было ими угадано и исполнено; с их прибытием и связь наша с родными и близкими сердцу получила то начало, которое потом уже не прекращалось, по их родственной почтительности доставлять и родным нашим те известия, которые могли их утешить при совершенной неизвестности о нашей участи. Но как исчислить все то, чем мы обязаны в продолжение стольких лет, которые ими посвящены были попечению о своих мужьях, а вместе с ними и об нас? Как не вспомнить и импровизированные блюда, которые приносились нам в нашу казарму

Благодатского рудника, – плоды трудов княгинь Трубецкой и Волконской, в которых их теоретическое знание кухонного искусства было подчинено совершенному неведению применения теории к практике? Но мы были в восторге, и нам все казалось таким вкусным, что едва ли хлеб, не допеченный рукою княгини Трубецкой не показался бы нам вкуснее лучшего произведения первого петербургского булочника».

Звучит музыка из кинофильма «Звезда пленительного счастья»

7 чтец. Чтение отрывка из поэмы.

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
«Устала, устала я, Маша!»
-«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющем лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва, — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Полина Анненкова вспоминает: «...Эти две прелестные женщины, избалованные раньше жизнью, изнеженные воспитанием, терпели всякие лишения и геройски переносили все... Таким образом они провели почти год в Нерчинске, а потом были переведены в Читу. Конечно, в письмах своих к родным они не могли умолчать ни о Бурнашеве, ни о тех лишениях, каким подвергались, и, вероятно, неистовства Бурнашева были приняты не так, как он ожидал, потому что потерял свое место...»

Великий русский поэт А. С. Пушкин дружил со многими декабристами. Им было написано свое послание декабристам – стихотворение «Во глубине сибирских руд...»,

которое тайком доставила в Сибирь Александра Григорьевна Муравьева. Она передала своему мужу Никите Михайловичу во время свидания туго свернутую бумагу. «Он развернул листок, едва ушла жена, развернул торопливо, уже понимая, что это привет оттуда, из России, которую ему вряд ли суждено увидеть. Почерк был ему знаком: летящий, пронзительный, взвихренный метательным окончанием слов, строк, ошибиться было невозможно – Пушкин».

8 чтение. Чтение стихотворения А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...»

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Декабрист Александр Иванович Одоевский написал свой ответ на послание Пушкина.

9 чтение. Стихотворение А. И. Одоевского «Наш ответ»

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Четыре года прожили декабристы в Чите, в Петровском заводе, там впервые с них сняли кандалы. В июле 1832 года Петровский завод покинули последние декабристы. Три десятка телег, повозок, кибиток тронулись в путь – к Байкалу, на Ангару, Лену, Тобол, Енисей – каждому выпал свой жребий, своя судьба.

В 1939 году закончился срок каторги декабристам, осужденным по первому разряду. Но испытания их на этом не завершились. Царь не выпускал их из Сибири. Семья Трубецких

поселилась в Оеке – небольшом селе близ Иркутска, в соседних селах жили Волконские, Юшневские, братья Борисовы, братья Поджио, Никита Муравьев, Вольф и другие. «Двумя главными центрами, - пишет Н. А. Белоголовый (1834, Иркутск — 1895, Москва), русский врач, общественный деятель; публицист, литератор, автор мемуаров, - около которых группировались иркутские декабристы, были семьи Трубецких и Волконских, так как они имели средства жить шире и обе хозяйки – Трубецкая и Волконская – своим умом и образованием, а Трубецкая и своей необыкновенной сердечностью, были как бы созданы, чтобы сплотить всех товарищей в одну дружескую колонию; присутствие же детей в обеих семьях вносило еще больше оживления и теплоты в отношения...

В 1845 году Трубецкие ... жили еще в Оекском селении в большом собственном доме. Семья их тогда состояла, кроме мужа и жены, из 3-х дочерей – старшей Александры, уже взрослой барышни, двух меньших прелестных девочек, Лизы – 10 лет и Зины – 8 лет, и только что родившегося сына Ивана. Был у них еще раньше сын Лев, умерший в Оеке в 9-летнем возрасте, общий любимец, смерть которого долго составляла неутешное горе для родителей, и только появление на свет нового сына отчасти вознаградило их в этой потере. О княгине же Екатерине Ивановне... помню только, что она была небольшого роста, с приятными чертами лица и большими кроткими глазами, и иного отзыва о ней я не слыхал, как тот, что это была олицетворенная доброта, окруженная обожанием не только своих товарищей по ссылке, но и всего оекского населения, находившего всегда у ней помощь словом и делом. Князь тоже был очень добрый человек, а потому мудреного ничего нет, что это свойство перешло по наследству и к детям, и все они отличались необыкновенною кротостью. В половине 1845 года произошло открытие девичьего института Восточной Сибири в Иркутске, куда Трубецкие в первый же год открытия поместили своих двух меньших дочерей, тогда же переселились на житье в город, в Знаменское предместье, где купили себе дом».

Сергей Петрович затеял строить дом поближе к центру города. Он сам рисовал чертеж этого деревянного особняка, похожего на старинные северные дома, с анфиладой комнат, с камином, с выдававшимся украшенным резным фризом мезонином – лоджией.

В этот дом переселились уже без Екатерины Ивановны... Ее сразила тяжелая болезнь. Глубокая душевная усталость, простуда, тяготы бесконечных дорог и переселений, тоска по родине и родителям, смерть детей – вмиг сказалось все, что перенесла эта удивительная женщина, умевшая в самые трудные минуты жизни оставаться внешне спокойной, жизнерадостной.